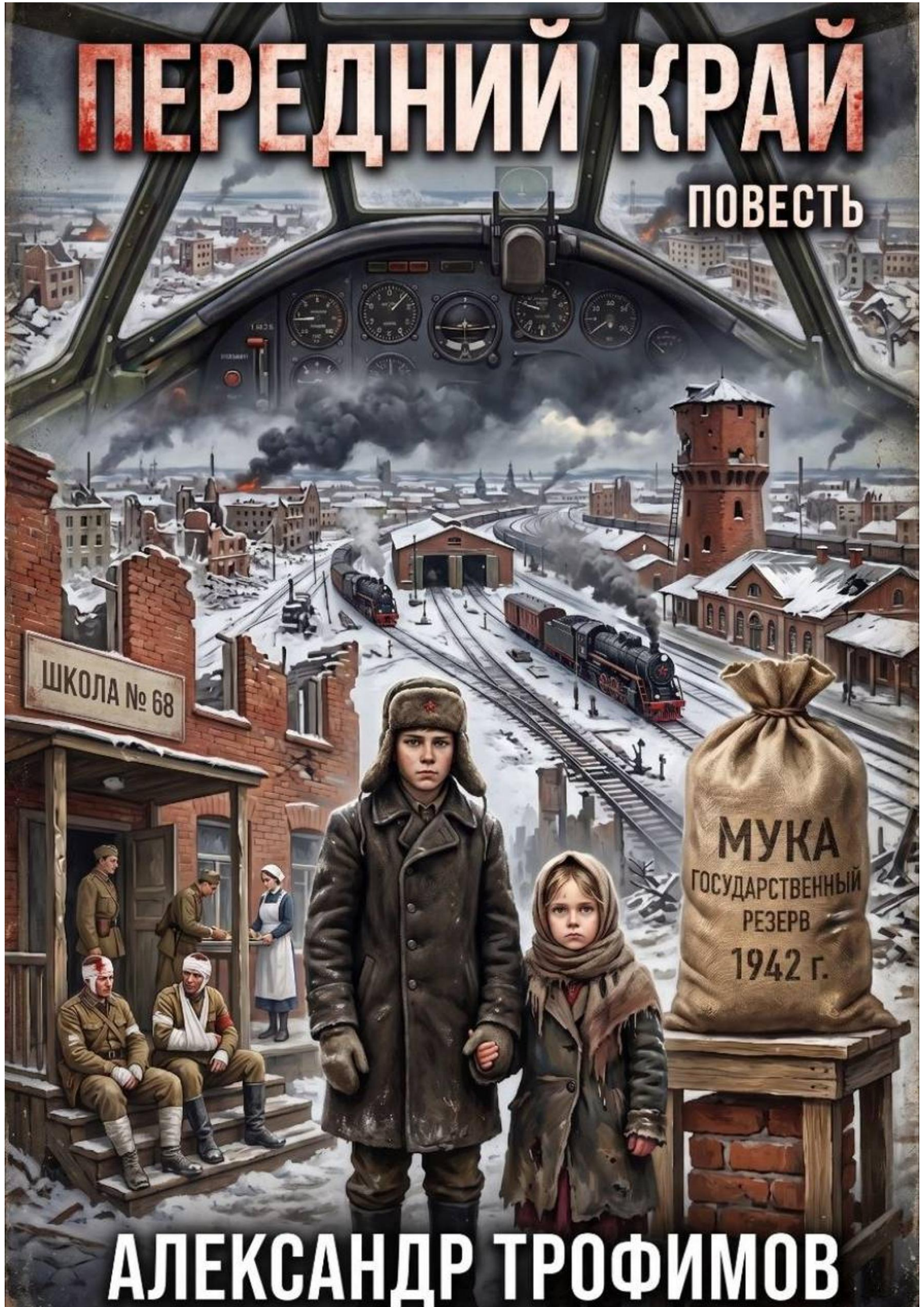

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

ПОВЕСТЬ

АЛЕКСАНДР ТРОФИМОВ

Александр Трофимов

Передний край

«Автор»

2026

Трофимов А.

Передний край / А. Трофимов — «Автор», 2026

1942 год. В прифронтовой Узловой оружейный мастер Василий Трофимыч возвращает к жизни искалеченные самолёты и пушки, воюя с износом металла, голодом и собственной усталостью. Но главное сражение идёт за души: его маленькая дочь Маша познаёт мир через молчание и терпение, а сын Иван взрослеет слишком быстро в военное время. Повесть о мужестве, где «передний край» - это не линия окопов, а каждый дом, станок и сердце, не пустившее тьму дальше.

© Трофимов А., 2026

© Автор, 2026

Александр Трофимов

Передний край

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Василий Трофимыч Тихомиров стоял на перроне, прищурившись от едкого угольного дыма. В кармане его замасленного ватника лежала главная ценность - штангенциркуль «Maht», трофей ещё с Первой германской, инструмент точный и беспристрастный, как сама истина.

- Слышь, Трофимыч, - окликнул его Виктор, сцепщик, чьё лицо за годы работы приобрело цвет антрацита. - Опять «лаптежники» над разъездом кружили. Ищут, гады. Знают, что через нас на Сталинград артерия идёт.

Трофимыч не ответил. Он смотрел на манёвровый паровоз серии «Ов», ласково именуемый в народе «Овечкой». Старушка трудилась на износ, выпуская клубы пара, которые тут же съедал ночной июньский воздух.

Василий слышал, что у «Овечки» подтекает левый инжектор. Звук был не тот - не чистый свист, а с хрипотцой, как у простуженного дьякона. В мире Трофимыча всё имело свой голос. Смазанный пулемёт ШКАС пел тенором, а неисправный - срывался на лай.

- Ищут - найдут, - наконец пробасил он. - Наше дело, чтобы, когда найдут, нам было чем огрызнуться.

Двенадцать месяцев минуло с той поры, как ушёл на фронт первый эшелон. Двенадцать месяцев - срок, достаточный для того, чтобы самые невероятные обстоятельства сделались привычными. Война, вопреки надеждам, не кончилась к зиме, не кончилась к весне, а к лету вовсе казалась бесконечной.

Немцы рвались к Волге. Их военная кампания, получившая в штабах кодовое наименование «План Блау», предусматривала захват Сталинграда и выход к Волге. Успех сулил расчленение страны надвое - север и юг оказались бы разобщены, а кавказская нефть потекла бы в топливные баки вермахта. Так, во всяком случае, полагали в ставке Гитлера. Так рисовали на картах жирные красные стрелы немецкие генералы, уверенные в скорой и окончательной победе.

Чтобы стрелы эти воплотились в реальность, требовалось перерезать дороги, ведущие к Сталинграду. И в первую очередь - железные. По ним шли танки, везли хлеб и горючее, отправляли раненых и перебрасывали целые дивизии. Перережь эту пуповину - и город задохнётся, словно человек с пережатой сонной артерией.

Вот почему маленький городок Узловая, затерянный среди полей и перелесков, вдруг приобрёл стратегическое значение. Вот почему над ним всё чаще гудели немецкие самолёты, чьи моторы ревели так низко, что стёкла в домах дребезжали, а дети инстинктивно прижимались к стенам. Вот почему по периметру железнодорожной станции установили зенитные орудия - сначала четыре, потом восемь, потом шестнадцать, - а в ночном небе шарили лучи прожекторов, выхватывая из тьмы силуэты «Хейнкелей» и «Юнкерсов».

С высоты полёта город походил на лоскутное одеяло: черепичные крыши, серые кварталы, зелёные пятна парков. Именно эту мозаику внимательно изучали немецкие лётчики, нанося на карты цели. Вокзал - двухэтажное здание из красного кирпича с башенкой и часами,

чей циферблат, когда-то белый, теперь покрывала сеть трещин, а стрелки застыли на без пяти три - времени первого авианалёта. Депо - длинный приземистый корпус, где ремонтировали паровозы, стены которого были испещрены осколками, а крыша зияла дырами. Водонапорные башни - без них паровозы встанут намертво. Мост через реку - неказистый, но крепкий, чьи фермы, покрытые ржавчиной и копотью, дрожали при каждом взрыве.

Немцы бомбили настойчиво, методично, с педантичностью, присущей их нации. Городок жил. Маленький, упрямый, чумазный от копоти и смазки, он жил и работал.

В школьных зданиях разместились эвакогоспитали. Парты вынесли в коридоры, на их место поставили казённые кровати с тощими матрасами. В бывших классах пахло йодом и карболкой, стонали и молчали раненые - с Дона, из-под Харькова, из-под Ростова. Местные женщины дежурили санитарками, прачками, поварами. Юные девушки влюблялись в раненых молодых офицеров и плакали, когда тех выписывали обратно на фронт.

На ремонтной базе № 17, расположившейся в пакгаузах станции Узловая, пахло горелым маслом, окалиной и тем специфическим, тревожным запахом, который издаёт металл, подвергшийся запредельным нагрузкам. База была забита самолётами, прибывшими с фронта на железнодорожных платформах. Их разбирали, восстанавливали, ремонтировали - и снова отправляли в бой. Это был настоящий конвейер воскрешения.

Среди мастеров выделялся один - Василий Трофимыч Тихомиров, для всех просто Трофимыч. Сорока трёх лет, потомственный сибиряк, кряжистый, с руками, в которые навеки въелась металлическая пыль. Его знали все - от начальника базы майора Евстафьева до подсобных рабочих. «Трофимыч глянет», - говорили в трудных случаях, и в голосе звучало облегчение, почти благоговение.

Жена его, Прасковья Ильинична - Паша, - работала прачкой в госпитале. Руки её от постоянной воды и щёлока были рыжими, растрескавшимися до крови. Жили как все: хуже, чем до войны, лучше, чем могли бы. Старший сын Иван, пятнадцати лет, и младшая Маша, пяти лет.

Дом Тихомировых стоял на окраине, упираясь огородом в железнодорожную насыпь. Близость к депо позволяла Василию проводить на базе по восемнадцать часов в сутки.

В тот вечер небо было низкое, давящее, цвета неокрашенной стали. Маша сидела на сундуке с тряпичной куклой и слушала. В Узловой дети учились различать звуки раньше, чем буквы. Тяжёлый, рваный гул - «Юнкерс». Тонкий, звенящий - наш «ишачок» И-16.

- Мама, а почему небо сегодня железное? - спросила она, когда Паша вошла с охапкой щепок.

- Это тучи, Машенька. К дождю.

- Нет, - серьёзно ответила девочка. - Это самолёты. Я слышу, как они трутся об облака.

Тишину разорвал звук, который ни с чем не спутать: тяжёлое, пульсирующее «у-у-у... у-у-у...» - неровная работа двигателей «Хейнкеля-111». Немецкие моторы работали в противофазе, создавая этот характерный, сводящий с ума гул.

- В щель! - скомандовал Трофимыч.

Щелью называли узкий ров во дворе, перекрытый брёвнами. Иван схватил Машу в охапку, Паша подхватила узелок с документами. Сам Василий задержался на пороге, глядя в небо, где уже расцветали «люстры» - осветительные ракеты на парашютах, превращавшие город в сцену для кровавого спектакля.

Над станцией заговорили зенитки - ритмичный, захлёбывающийся стук 37-миллиметровых пушек 61-К. Трофимыч прислушался.

- Третье орудие... мажет, - прошептал он. - Опережение берут неверно. Эх, артиллеристы...

Он знал: если бомбы упадут на пути, завтра эшелон с танками не уйдёт к Касторной. А значит, где-то на переднем крае наши бойцы останутся один на один с «панцерами».

- Паша, веди детей! - крикнул он. - Я в депо. Там расчёты молодые, они же, сука, прицел в глаза не видели!

И побежал - невысокий, плотный человек в замасленном ватнике, вооружённый лишь знанием того, как заставить металл служить правде.

Станция превратилась в преисподнюю. Вспышки разрывов выхватывали из темноты остовы пакгаузов. Зенитная батарея, прикрывавшая южную горловину, захлёбывалась. Трофимыч бежал вдоль путей, чувствуя, как вздрагивает земля. Он не боялся смерти - в его возрасте смерть ему представлялась чем-то вроде неисправного механизма, который рано или поздно заклинит любого. Он боялся не успеть.

- Куда прёшь, папаша?! - гаркнул молоденький лейтенант-артиллерист с лицом, залитым кровью из рассечённой брови. - В укрытие!

- Цыц, сынок, - отрезал Трофимыч, не замедляя шага. - У тебя третье орудие «плюёт». Слышишь? Звук короткий, откат неполный. Накатник перетянули или смазка вытекла.

Лейтенант осёкся. В охваченном огнём хаосе этот старик в ватнике звучал как голос самой логики.

- Осколком перебило трубку... - прохрипел офицер. - Бьём на глаз.

Василий подскочил к орудью. Его руки, помнившие ещё дореволюционные станки и затворы «Мосинок», двигались с быстротой фокусника. 37-миллиметровая зенитка образца 1939 года была капризным инструментом: автоматика работала от энергии отдачи, и если накатник не возвращал ствол в исходное положение, орудие превращалось в грудку мёртвого железа. Трофимыч вытащил из кармана заветный штангенциркуль, приложил к станине.

- Прицел... - пробормотал он. - Кто ж так упреждение берёт? Вы по головному бьёте, а «Юнкерс» уже в пике уходит. Бери на два деления ниже, по срезу!

Он сам встал к маховику наводки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Есть вещи, которые невозможно описать словами - не потому, что слова бедны, а потому, что здесь они лишние. Они только мешают, заслоняют то, что нужно чувствовать напрямую, без посредников.

Таким был взгляд дочери Василия Трофимовича Маши.

Она была тихим ребёнком. Не тихим от забитости или страха перед миром - нет, страх приходит позже, когда человек уже понимает, чего именно следует бояться. Маша была тиха от какой-то врождённой задумчивости. Можно было подумать, что она уже с рождения знала какую-то важную тайну, недоступную остальным, - нечто такое, что делало ненужными лишние слова и суетливые движения. Она редко плакала, редко просила, почти никогда не капризничала. Просто жила рядом со взрослыми, наблюдая за ними серьёзными глазами, и в этом наблюдении чувствовалась внутренняя работа, глубокая и непонятная окружающим. Она словно вела невидимый дневник, записывая туда всё, что видела, - без оценок, без суждений, просто фиксируя факты. «Отец пришёл усталый». «Мать плакала у печки». «Брат принёс пшено». «Война продолжается».

Каждый вечер, когда Трофимыч приходил с рембазы - пыльный, промасленный, с тёмными разводами на лице и руках, - и садился за стол ужинать, рядом появлялась Маша.

Она не садилась. Не просила. Только тянула за рукав - легонько, почти невесомо, одними пальцами. Не плакала. Просто стояла рядом с отцом.

- Чего тебе, Маш? - спрашивал он, хотя прекрасно знал ответ.

- Ничего, - отвечала она тихо и продолжала смотреть.

Смотрела, как он берёт ложку. Смотрела, как он подносит её ко рту. Как жуёт - медленно, механически, почти не чувствуя вкуса. Как глотает. Как снова зачерпывает из миски - жидкий

картофельный суп с сушёной крапивой, серовато-зелёную бурду, в которой плавали редкие крупинки перловки.

- На, - говорил Трофимыч, отодвигая миску. - Ешь.

Она качала головой - тихо, с каким-то недетским достоинством. Старшие должны есть первыми - это правило она усвоила каким-то внутренним инстинктом. Не из книжек, не из родительских наставлений - просто сама, наблюдая за жизнью и делая выводы. Отец работает. Отец устаёт. Если отец не поест, он не сможет работать. Если он не сможет работать - что тогда?

- Да ешь ты, господи, - Трофимыч чувствовал, как в груди всё сжимается. - Я уже не хочу.

- Ты не наелся, - говорила Маша. - Я вижу.

И продолжала смотреть.

Однажды вечером, когда от постоянного недоедания у всех начали пухнуть ноги и кружиться голова, Маша стояла у стола особенно долго. Трофимыч только вернулся с базы. В тот день он ремонтировал противотанковое ружьё, привезённое прямо с передовой - ещё горячее, казалось, от недавнего боя, с вмятиной на стволе и заклинившим затвором. Работал без перерыва почти четырнадцать часов, и теперь перед глазами у него плыли цветные круги.

- Маш, отойди, - сказала Паша, помешивая в чугунке. - Дай отцу поесть спокойно.

Маша не двинулась с места.

- Маша! - голос Паши сделался строже.

- Пусть стоит, - сказал Трофимыч. - Она мне не мешает.

Он взял ложку. Поднёс ко рту. Проглотил, почти не жуя. И вдруг положил ложку обратно - с каким-то решительным, даже резким стуком.

- Не могу. Не могу, когда она так смотрит, - голос его звучал глухо.

- А что я сделаю? - Паша развела руками. - Она у нас такая. Вся в тебя. Ты тоже словами не скажешь, а глазами - всё.

Трофимыч не был сентиментальным человеком. Сибиряк, крестьянский сын, мастер-оружейник. Он видел смерть - и в тридцатые, когда бежали из села, и теперь, когда хоронили соседей, умерших от голода и бомбёжек. Он знал тяжёлый труд, научился держать удар судьбы. Он мог вынести многое - холод, боль, усталость, страх за старшего сына, который каждую ночь ворочался и скрипел зубами во сне. Но Машин взгляд прошибал его каждый раз. Насквозь.

- Вот скажи мне, - проговорил он, глядя куда-то мимо Паши, в тёмный угол, - за что ей это? Она ж ребёнок. Ей бы в куклы играть, а она... - Он запнулся, не находя слов. - Она смотрит так, будто уже всё понимает и знает, что ничего хорошего не будет.

- А может, и понимает, - тихо ответила Паша. - Они теперь все понимают. Война быстро учит.

Маша молчала. В глазах её не было ни упрёка, ни жалости к себе - только бесконечное, спокойное терпение. Словно она уже примирилась с голодом, как примиряются с плохой погодой или долгой зимой. Словно она знала: когда-нибудь всё это кончится, но когда - неизвестно, и спрашивать об этом бесполезно.

- Ладно, - Трофимыч поднялся из-за стола. - Я наелся. Паша, дай ей мою порцию.

- Вася...

- Дай, я сказал.

Он вышел во двор. Закурил. Долго стоял, глядя на звёзды, и думал о том, о чём не говорил никому. О том, что война когда-нибудь кончится, а этот взгляд останется с ним навсегда. Взгляд голодного ребёнка, который ничего не просит - только смотрит и всё понимает.

Через полчаса, когда он вернулся в дом, Маша уже спала. Паша сидела у печки и что-то штопала при тусклом свете коптилки.

- Поела? - спросил Трофимыч.

- Поела. Немного. Большую часть оставила.

- Понятно.

Он сел на лавку, положил тяжёлые руки на колени и долго смотрел на спящую дочь. Лицо её во сне разгладилось, стало совсем детским, беззащитным. И только тогда, во сне, она переставала быть той не по годам взрослой Машей.

- Ничего, - сказал он тихо, сам себе. - Переживём.

Голод - великий изобретатель.

Степан Кулибин, сосед по мастерской, носил свою фамилию с достоинством оскорблённого аристократа. Стоило кому-нибудь намекнуть на знаменитого однофамильца - механика, самородка, гордость отечества, - как Степан немедленно краснел, надувался и начинал говорить голосом человека, которого в очередной раз обвинили в краже серебряных ложек.

- Никакого родства! - отрезал он. - Совпадение. Фамилия распространённая.

- Да что ты, Степан Иванович, - добродушно удивлялись мужики. - Редкая же фамилия.

- Распространённая, - упрямо повторял Степан и демонстративно уходил в себя.

В то утро он сидел у верстака и отрешённо смотрел в окно, протирая ветошью гаечный ключ. Трофимыч, не поднимая головы, колдовал над возвратной пружиной авиапушки. Работа была деликатная, требовавшая тишины и сосредоточенности.

Тишина длилась ровно столько, сколько Степану было нужно, чтобы созреть.

- Трофимыч, - произнёс он наконец, понизив голос. - А что, ежели рыбу оглушить?

Пружина замерла в пальцах.

- Рыбу, - повторил Трофимыч, осторожно, как незнакомое слово на иностранном языке.

- Рыбу, - подтвердил Степан и добавил с исключительной простотой: - Взрывом.

Трофимыч отложил инструмент. Посмотрел на Степана. Степан смотрел в ответ - серьёзно, даже торжественно, как человек, только что открывший закон всемирного тяготения.

- И где же, позволь спросить, ты предлагаешь раздобыть взрывчатку? На рынке? Между солью и табаком?

Степан снова огляделся - с видом заговорщика, которого подвела конспирация, - и кивнул куда-то в сторону склада:

- Да у нас её тут - завались. Снаряды привозят. Патроны. Негодные, которые на переплавку идут. Вот из них...

Дальше разговор покатился сам собой, как телега с горки.

Митрофан Хабаров - бывший шахтёр, человек основательный, с руками, знавшими порох так же хорошо, как хлеб и соль, - придвинулся ближе и слушал с профессиональным интересом. Он знал, как рассчитать заряд: не так чтобы катастрофа, но достаточно для нужного эффекта. Наука точная.

Молодой Гриша Потапов поначалу держался в стороне. Восемнадцать лет - а выглядел на все сорок пять, и это было не преувеличение, а честный портрет: скулы острые, щёки запали, кожа землистая, под глазами - круги такой глубины, словно их кто-то нарисовал углём. Голод и тревога постарались за него лучше любого гримёра. Но стоило заговорить о еде - о настоящей еде, - как в потухших глазах вдруг мелькнул огонь. Перед ним тоже стояло лицо. Материнское.

- Я с вами, - сказал он коротко.

И больше обсуждать было нечего.

Подготовка заняла несколько вечеров. Толстостенный бидон из-под машинного масла - крепкий, добросовестный, советской выделки - был признан пригодным единогласно. Порох добывали с хирургической аккуратностью из патронов и снарядов, списанных на переплавку. Митрофан смастерил запал: бикфордов шнур, кусок проволоки, детонатор с неразорвавшегося снаряда - и всё это с таким спокойствием, будто вязал носок крючком.

Работали ночью. В дальнем углу мастерской, при одной свече, почти без слов.

- Не боишься? - тихо спросил у него Трофимыч.

Митрофан пожал плечами:

- Шахта - она пострашнее будет. Там не знаешь, где рванёт. А тут я сам решаю.

Трофимыч подумал, что в этой логике есть что-то успокоительное. Почти философское.

В воскресенье выехали четвером - Трофимыч, Степан, Митрофан и Гриша - на велосипедах. За город, к реке, туда, где широкие тихие заводи, где по вечерам рыба выпрыгивает за мошкаркой и вода ходит серебряными кругами.

Приехали в сумерках.

- Красота, - Степан оглядел реку с таким видом, словно выбирал дачный участок.

- Красота, - согласился Трофимыч. - Взрываем?

Бидон с шипящим шнуром отправился в воду. Мужики отступили за деревья. Митрофан отсчитал секунды.

Бахнуло.

Негромко - птицы в прибрежных кустах вздрогнули, но не улетели, сочтя произошедшее недостаточным поводом для паники. Вода вздыбилась чёрным пузырьём, взметнулась фонтаном и осела. Наступила тишина. Потом - всплески. Потом ещё и ещё.

Река отдавала рыбу охотно.

Щука. Лещ. Карась. Несколько крупных окуней - увесистых, порядочных. Серебристые тела кружились на поверхности, беспомощно разевая рты, точно удивлённые случившимся. Собирали молча, быстро, в темноте, при фонаре с затянутым тряпкой стеклом - слабый, рассеянный свет дрожал на воде, и в этом пятне они нащупывали руками бьющееся, скользкое, живое.

- Во, - отметил Гриша, с уважением глядя на первый мешок. - Вот это Кулибин.

Митрофан хмыкнул. Даже Трофимыч улыбнулся.

- Только молчи об этом, - сказал он.

- Могила, - торжественно пообещал Гриша.

Домой рыбу привезли в вещмешках тугих, от которых шёл речной дух, смешанный с порохом и торжеством.

Паша жарила рыбу на постном масле, с луком - луковицы были выменяны на старую скатерть ещё неделю назад и хранились как стратегический запас. Запах пошёл такой, что соседи начали выходить из своих домов - не подглядывать, не просить, а просто дышать, как будто сам этот запах мог насытить.

Паша вынесла им тарелку. Иначе было невозможно. Нельзя было иначе.

- Угощайтесь, - предложила она. - У нас сегодня праздник.

За столом ели молча.

Маша съела всё до последней крошки, подняла глаза - и Трофимыч увидел в них то, чего давно не видел.

- Можно ещё? - спросила она, облизав пальцы.

Паша положила ей ещё.

Трофимыч отвернулся. Сделал вид, что что-то попало в глаз. Высморкался с большим достоинством.

В груди разливалась теплота - не похожая на тепло от самогона или горячего чая, а другая, какою, кажется, помнишь из детства, но уже не можешь назвать точно, откуда она.

Уже вечером следующего дня на рембазе поднялся переполох.

Кто-то доложил майору Евстафьеву о пропаже пороха. Проверяли скрупулёзно - каждый патрон, каждую пломбу, каждый номер партии. Опрашивали с составлением письменных показаний. Перекрёстные вопросы. Угрюмые паузы.

Митрофана вызвали к начальнику. Вернулся бледный, стиснув зубы, и сел за верстак с видом человека, которому только что объяснили разницу между штрафной ротой и обычной.

Степан подошёл к Трофимычу и сказал негромко, с тяжёлым значением:

- Ну что, мастер, дорыбачились.

Трофимыч промолчал.

Виновных найти не удалось - ни улики, ни свидетелей. Но правила ужесточили немедленно: ночные дежурства, почасовая отчётность, новые замки, новые печати. Всё, что придумывает начальство, когда хочет показать, что больше так не будет.

Все в полной мере осознали, что именно висело над ними эти сутки. Штрафная рота - для них. Карточки и выселение - для семей. Трибунал - по совокупности.

Договорились без лишних слов: забыть. Навсегда. Как будто этой ночи не было вовсе. Как будто рыба приснилась им всем одновременно - и это был просто хороший сон.

Вечером, когда дети уже спали, Трофимыч шепнул Паше тихо:

- Рыбы больше не будет. Столько точно.

Она кивнула, поправила одеяло на Маше. Помолчала.

- Главное, что сегодня они наелись, - прошептала она.

Трофимыч посмотрел на детей. На жену. На мерцающий огонёк лампадки в углу, который каким-то чудом всё ещё теплился.

В сборочный цех, грохоча несмазанными петлями ворот, вкатили очередной Як-1. Машину, судя по характерным отметинам на фюзеляже, пригнали своим ходом с полевого аэродрома подо Ржевом - пилот, молоденький лейтенант с воспалёнными от недосыпа глазами и всё ещё трясущимися после посадки руками, умудрился посадить истребитель, несмотря на отказ оружия. Пушка заклинила прямо в бою - в тот самый момент, когда «мессер» уже висел у него на хвосте. Лейтенанту, по всему виду, крупно повезло: то ли немец оказался таким же желторотым, то ли у самого боезапас вышел. Отстал фриц, а Як, огрызаясь пулемётами, дотянул до линии фронта и плюхнулся на первое подходящее поле.

Теперь машина стояла посреди цеха - израненная, в копоти, но живая. Механики уже суетились вокруг, как муравьи вокруг гусеницы.

- Трофимыч! - гаркнул майор Евстафьев, появляясь в проёме ворот. - Принимай красавицу. Пушка не пашет. Глянь, что там у неё внутри.

Трофимыч неторопливо вытер руки ветошью, отложил полуразобранный пулемёт и подошёл к самолёту. Постоял, оглядел машину с тем особым прищуром, с каким опытный доктор осматривает больного, ещё не приступив к осмотру, но уже многое поняв.

- Ну, что скажешь? - полюбопытствовал из-за спины Степан.

- Что я скажу? - Трофимыч хмыкнул. - Скажу, что лётчик родился в рубашке. И что пушку будем перебирать. А что там внутри - сейчас поглядим.

- Не жалец, - сплюнул в сторону Гриша, вытирая руки ветошью. - Проще новый из Куйбышева дожидаться.

Трофимыч посмотрел на парня поверх очков, которые он носил только для тонкой работы. Очки были в роговой оправе, треснувшие и бережно перемотанные синей изоляцией, - деталь, выдававшая в нём человека, привыкшего чинить мир, который упорно стремится к распаду.

- «Проще», Гриш, - это слово для тыла вредное, - негромко, но веско произнёс Василий.
- В Куйбышеве сейчас такие же, как ты, пацаны, по две смены от станка не отходят. А самолёт нужен завтра.

Он коснулся ствола 20-мм пушки ШВАК.

ШВАК (Шпитальный - Владимиров авиационный крупнокалиберный) была шедевром и кошмаром одновременно. Трофимыч очень хорошо знал эту пушку. Её ленточная подача требовала ювелирной настройки. Малейший заусенец на звене - и снаряд заклинит в самый неподходящий момент, когда «фокке-вульф» уже заполнит всё перекрестие прицела.

- Немец, он ведь как думает? - продолжал Трофимыч, извлекая затвор. - Он думает, что если он нам логистику перерезал и заводы за Урал выгнал, то мы голыми руками воевать станем. А мы не станем. Мы возьмём старое, добавим злости и сделаем лучше нового.

В этот момент Василий вспомнил 1916 год, Брусиловский прорыв и свою первую встречу с «Максимом». Тогда он, молодой подмастерье, понял: машина чувствует страх человека. Если ты боишься механизма - он тебя слушаться не будет, если любишь - станет продолжением твоей воли.

Он обернулся и посмотрел на Ивана. Сын стоял чуть поодаль, жадно разглядывая самолёт. Иван уже не раз бывал здесь. Почти каждое утро, пока отец был занят с машинами, он крутился поблизости: подавал инструменты, протирали детали, убирал стружку. Механики давно привыкли к нему и порой поручали несложные дела - зачистить контакт, смазать петлю, отнести деталь в кладовую. Для Ивана это было настоящим счастьем: он впитывал каждую деталь, запоминая, как работают старшие, как перебрасываются короткими, почти непонятными фразами, как мгновенно находят причину поломки по одному лишь звуку мотора.

- Ваня, иди сюда, пора тебе матчасть знать. Иначе как ты в душу механизма влезешь? У каждой машины своя душа - не из плоти и крови, а из стали и точности. Она звучит, дышит в такт вращениям вала, живёт в каждом миллиметре зазора. Поймай эту мелодию - и машина станет тебе другом.

Иван подошёл, стараясь держаться солидно и не выдать, как сильно он волнуется. Он расправил плечи, поднял подбородок и остановился рядом с отцом, стараясь выглядеть невозмутимым - как настоящий механик, а не мальчишка, впервые дорвавшийся до настоящего дела.

- Вот смотри, - Трофимыч положил руку на капот. - Перед тобой Як-1, гордость конструкторского бюро Александра Сергеевича Яковлева. В носу - двигатель, рядный, жидкостного охлаждения, тысяча лошадей с гаком. А перед ним, на валу - пропеллер, или винт попростому. Три лопасти из дюралюминия, каждая - пудов на несколько. Крутятся со скоростью две с половиной тысячи оборотов в минуту. Ты понимаешь, что это такое?

- Крутится быстро, - осторожно предположил Иван.

- Не просто быстро, - вмешался Митрофан, до этого молча куривший в углу. - Это, парень, гильотина. Если на полных оборотах туда что-то попадёт - перерубит, как масло ножом.

- Вот именно, - кивнул Трофимыч. - А теперь представь: прямо за винтом, строго по оси, стоит пушка. Стреляет она, как и положено всякой уважающей себя пушке, вперёд - туда, куда летит самолёт, туда, где находится противник. Но между дульным срезом и целью, на которую нацелен пилот, вращается пропеллер. И вот вопрос, Вань, над которым бились лучшие умы военной авиации ещё в годы Первой мировой: как стрелять через вращающийся винт, не повреждая его?

Иван нахмурился. Задача и впрямь казалась неразрешимой.

- Может, пушку выше поставить? - предположил он. - Или сбоку?

- Ставили, - отмахнулся Степан. - И выше, и сбоку, и на фермах. Только аэродинамика летит к чертям, центр тяжести смещается, самолёт становится коровой. Не годится.

- Так как же тогда? - Иван переводил взгляд с одного механика на другого.

Трофимыч усмехнулся и подошёл к верстаку. Взял в руки небольшой прибор - компактный, размером с папиросную коробку «Казбек», но внутри у него угадывалась сложная механика: рычажки, пружинки, кулачки, регулировочные винты с тончайшей резьбой.

- Вот, - сказал он, протягивая прибор сыну. - Знакомься. Синхронизатор.

Иван осторожно взял устройство в руки. Оно было тяжелее, чем казалось на вид, и от него пахло сталью и машинным маслом.

- Смотри сюда, - Трофимыч наклонился и начал показывать. - На валу двигателя стоит кулачковый диск с выступами - по числу лопастей. Когда вал вращается, выступы нажимают вот на этот рычаг. Рычаг тягой связан со спусковым механизмом пушки. Лопасть проходит мимо ствола - выступ нажимает - цепь блокируется - выстрел невозможен. Лопасть ушла - выступ сошёл - цепь разблокируется - можно стрелять. И так - тысячи раз в минуту. С точностью до тысячных долей секунды. Понял?

Иван смотрел на прибор заворожённо. Он представил себе эту бешеную пляску металла: пропеллер режет воздух, пушка бьёт в такт, и всё это - благодаря крохотному устройству у него в ладонях.

- А то, - кивнул Митрофан. - Я тебе больше скажу, Вань. Батя твой этот синхронизатор так настраивает, что сам Шпитальный позавидовал бы. Степа, помнишь, в прошлом году ЛаГГ пригнали? Вся бригада неделю билась - пушка клинила. А Трофимыч пришёл, покрутил что-то там на полмиллиметра - и заработало, как часы.

- Уникум, - развёл руками Степан. - Что тут ещё скажешь.

Трофимыч, казалось, не слышал похвалы. Он продолжал объяснять Ивану, показывая на регулировочные винты:

- Видишь вот эти зазоры? Они должны быть выставлены с точностью до десятой доли миллиметра. Чуть больше - выстрел придёт в лопасть. Чуть меньше - пушка вообще не работает. И это ещё не всё. Надо учесть скорость вращения вала на разных режимах, время срабатывания спускового механизма, даже температуру. На морозе металл сжимается, зазоры меняются, и то, что работало в тёплом цехе, может отказать в холодном небе над фронтом. Понимаешь, какая ответственность?

Иван кивнул. Он смотрел на синхронизатор с новым чувством - смесью восхищения и страха.

- А если ошибиться? - спросил он тихо.

Трофимыч помолчал. Потом сказал - без пафоса, но так, что у Ивана мурашки побежали по спине:

- Нельзя ошибаться. Но дополнительно перед выпуском самолёта пушку проверяют на специальном стенде - имитируют стрельбу вхолостую, замеряют синхронизацию с вращением пропеллера. Но и там, Ваня, человеческий глаз нужен.

- Понял, - ответил Иван.

- Ну, раз понял - держи ключ на четырнадцать. Будем смотреть, что там у нашей красавицы внутри.

Степан, не удержавшись, толкнул Митрофана локтем:

- Гляди, Митрофан. Лет через пять этот парень нас с тобой за пояс заткнёт.

- И слава богу, - проворчал Митрофан. - Значит, смена растёт. А то мы с тобой старые уже, скоро только самокрутки крутить и годимся.

- Ну, ты-то ещё ого-го, - усмехнулся Трофимыч, не оборачиваясь. - Особенно когда надо кого-нибудь обmaterить.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

За всё время работы на рембазе Трофимыч настроил и отрегулировал не один десяток синхронизаторов - сначала на старых И-16, потом на «чайках», теперь вот на «яках» и «лаггах». Руки его помнили каждое движение, пальцы сами находили нужные винты, глаза безошибочно определяли малейшие отклонения от нормы. Он мог бы делать эту работу с закрытыми глазами - и, положив руку на сердце, иногда так и делал, когда усталость брала своё и веки наливались свинцом.

В тот знойный июньский день Трофимыч приступил к работе над Яком в обычном своём порядке. Разобрал механизм пушки, разложил детали на чистой ветоши - так хирург раскладывает инструменты перед операцией. В глаза бросились следы нагара, мелкие сколы на направляющих, заметный износ возвратной пружины. Он аккуратно, не торопясь, очистил каждую деталь от грязи и старого масла, протёр ветошью, смоченной в керосине, проверил на свет, нет ли микротрещин. Заменял изношенные компоненты: новую пружину взял из заветного ящичка, где хранились самые дефицитные запчасти, несколько штифтов, уплотнители. Собрал пушку обратно, проверил плавность хода механизмов - подвижные части двигались мягко, без заеданий, с лёгким металлическим шелестом, который опытное ухо Трофимыча распознавало как верный признак исправности.

Затем перешёл к синхронизатору. Снял крышку прибора, осмотрел кулачковый диск - не стёрлись ли выступы? Проверил натяжение пружин - не ослабли ли? Подкрутил регулировочные винты - не разболтались ли от вибрации? Всё, казалось, было в порядке. Оставалось только настроить фазы.

Он выставил метки на валу двигателя, совместил их с метками на корпусе синхронизатора. Проверил положение кулачков относительно момента прохождения лопасти. Отрегулировал зазоры. Всё выглядело исправно. Всё должно было работать.

И тут - то ли усталость дала о себе знать (пятая смена подряд, почти без отдыха, когда сон кажется недостижимой роскошью, а руки и ноги двигаются как будто сами по себе, отдельно от головы), то ли что-то отвлекло. В цехе стоял постоянный гул: станки, лебёдки, пневматические подъёмники, крики, ругань, лязг металла. Мимо как раз тащили очередной повреждённый самолёт - ЛаГГ-3 с развороченным крылом, и рабочие, надрываясь, орали: «Майна! Вира!», перекрикивая друг друга. Где-то справа резко, по-змеиному, зашипела пневматическая система, сбрасывая давление, и этот звук на мгновение перекрыл все остальные, заставив Трофимыча невольно повернуть голову. Руки его в этот момент продолжали делать привычную работу - ту, что делали сотню раз до этого.

И сделали они то, что привыкли. А привыкли они за последние месяцы настраивать синхронизаторы на ЛаГГ-3 - машинах, которые поступали на базу потоком. На ЛаГГе стояла та же пушка ШВАК, но синхронизатор был другой модели, с иным расположением кулачков и иными зазорами. Руки Трофимыча, предоставленные сами себе, выставили настройки именно для этой, привычной модели. А голова, занятая мыслями о доме, о детях, о вечернем супе, который опять будет слишком жидким, не заметила подмены.

Такое случается даже с самыми опытными мастерами. Мозг устаёт, внимание рассеивается, и тогда верх берёт мышечная память - та самая, что позволяет пианисту играть сложнейшие пассажи, не глядя на клавиши, а старому механику - собирать и разбирать оружие в полной темноте. Мышечная память не ошибается - она делает именно то, чему её научили. Беда в том, что в тот день от неё требовалось другое.

Трофимыч закончил настройку, вытер руки, отошёл в сторону. Механики тем временем закрепили самолёт на стенде, подсоединили контрольную аппаратуру. Майор Евстафьев, проходя мимо, бросил:

- Ну что, готово?

- Готово, - ответил Трофимыч. - Можно пробовать.

Имитатор стрельбы, как назло, был задействован в соседнем цехе - там срочно проверяли другую машину, которую ждали на фронте уже завтра к утру. Ждать, пока освободится, времени не было. Решили проводить испытания прямо на реальном оборудовании - так часто делали.

Трофимыч ещё раз проверил соединения, кивнул механику, сидевшему в кабине. Тот нажал на гашетку.

Раздался выстрел - сухой, резкий, оглушительный в замкнутом пространстве цеха. И тут же - громкий треск, какой бывает, когда ломается что-то большое и прочное. Лопасть пропеллера, в которую угодил снаряд, разлетелась на куски. Один из осколков, свистнув, ударил в фюзеляж, оставив глубокую царапину на дюралевой обшивке. Другой отлетел в сторону, чудом никого не задев. Механик в кабине - молодой парень, вчерашний школьник - побледнел как полотно и замер, вцепившись в ручку управления.

- Выключай! - заорал кто-то. - Мотор глуши!

Двигатель чихнул и затих. Наступила тишина - звенящая, неестественная, нарушаемая только звоном в ушах и дробным стуком сердца.

Трофимыч стоял и смотрел на покорёженный пропеллер. Лицо его не выражало ничего - оно словно окаменело. Только желваки ходили под скулами да пальцы медленно сжимались и разжимались, будто пытаясь нащупать что-то невидимое.

- Твою ж мать... - выдохнул кто-то за спиной.

Виновника определили быстро. Собственно, и определять-то не пришлось: кто настраивал синхронизатор, тот и виноват. А настраивал Трофимыч. Значит, Трофимыч.

Разбирательство было недолгим. Майор Евстафьев долго молча разглядывал искореженную лопасть, потом перевёл взгляд на Трофимыча. В цехе стояла такая тишина, что слышно было, как потрескивает остывающий двигатель.

- Василий Трофимыч, - сказал Евстафьев, и в голосе его не было ни гнева, ни угрозы - только усталость, какая бывает у человека, вынужденного делать неприятную, но необходимую работу. - Ты как это... как же ты так?

Трофимыч молчал. Что тут скажешь? Оправдываться? Глупо. Объяснять, что устал, что отвлекли, что руки сами? Ещё глупее. Война оправданий не принимает. На войне есть только результат. Результат был перед глазами - пропеллер, который теперь годился только в металллом.

- Я понимаю, - продолжал Евстафьев, понизив голос, чтобы не слышали остальные. - Пятая смена. У всех нервы. Но ты пойми и меня?

Он помолчал, достал папиросу, закурил, выпустил дым в сторону.

- Под трибунал отдавать не буду, - сказал он наконец. - Не заслужил. И не вредитель ты, я знаю. Но за пропеллер заплатишь. Из зарплаты вычтем. По частям, чтоб семью с голоду не уморить, но вычтем всё, до копейки. Справедливо?

- Справедливо, - ответил Трофимыч глухо.

- Ну вот и договорились. - Евстафьев затаился, бросил окурочок на бетонный пол, затоптал сапогом. - Иди работай. Война сама себя не выигрывает.

Трофимыч кивнул и пошёл к своему верстаку. Spина его была прямая, шаг - ровный, лицо - бесстрастное. Только тот, кто знал его много лет, мог бы заметить, что плечи чуть опущены, а в глазах появилось что-то новое - не страх, не обида, а глухая, застарелая тоска, которая бывает у людей, столкнувшихся с несправедливостью, против которой они бессильны.

Домой он вернулся поздно. Уже стемнело, на улице моросил мелкий, противный дождь. Трофимыч вошёл, снял кепку, повесил на гвоздь у двери, стянул сапоги. Паша, хлопотавшая у

печки, обернулась, взглянула на него - и ничего не спросила. Она давно научилась читать по его лицу: по складкам у рта, по взгляду, по тому, как он вешает кепку (сегодня - медленно, словно через силу). Просто молча поставила перед ним миску с супом - жидким, почти прозрачным, в котором плавали несколько картофельных долек и пара бледных листиков крапивы. Суп был таким, каким он был всегда в последние месяцы: не еда, а так, одно название.

Трофимыч сел за стол. Взял ложку.

И тут, как всегда в этот час, рядом появилась Маша. Она встала у его локтя - маленькая, худая, с заострившимися скулами и огромными, серьёзными глазами на пол-лица. Протянула руку, тронула его за рукав - легонько, почти невесомо.

- Чего тебе, Маш? - спросил он, хотя знал ответ.

- Ничего, - ответила она своим тихим, бесцветным голоском. - Я просто так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.